

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-332-344>

<https://elibrary.ru/YNYRRE>

ИСТОРИЯ КАК КРИТИКА: ОБ «ОПЫТЕ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ» П.М. БИЦИЛЛИ

© 2024 г. А.А. Тесля

Аннотация: Предметом рассмотрения является понимание П.М. Бицилли современного ему исторического знания как по существу своему романтического и вытекающей из этого концепции исторического знания. Особо анализируется соотношение между историей и автобиографией. На этом основании дается определение специфики положения историка и близости его к позиции критика. Соответственно сама история предстает как художественный объект, а проблема периодизации фактически становится вариантом определения специфической художественной формы.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, русская историография, романтизм, теория истории, философия истории, философия культуры.

Информация об авторе: Андрей Александрович Тесля — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. Чернышевского, д. 56а, 236022 г. Калининград, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-5002>

E-mail: AnATeslya@kantiana.ru

Для цитирования: Тесля А.А. История как критика: об «Опыте теории исторической науки» П.М. Бицилли // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 332–344.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-332-344>

Research Article



HISTORY AS CRITICISM: ABOUT “AN ATTEMPT AT THE THEORY OF HISTORICAL SCIENCE” BY PIOTR BITSILLI

© 2024. Andrey A. Teslya

Abstract: The subject of consideration is Piotr M. Bitsilli's understanding of modern historical knowledge as essentially romantic and stemming from this concept of history. Particularly analyzed is the relationship between history and autobiography. On this basis, the specificity of the historian's position and his proximity to the position of the critic are determined. Accordingly, the history itself appears as an art object — and the problem of periodization actually becomes an option for determining a specific art form.

Keywords: Russian historiography, romanticism, theory of history, philosophy of history, philosophy of culture.

Information about the author: Andrey A. Teslya, PhD in Philosophy, Senior Researcher, Scientific Director of Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Chernyshevsky St. 56a, 236022 Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2437-5002>

E-mail: mestr81@gmail.com

For citation: Teslya, A.A. “History as Criticism: About ‘An Attempt at the Theory of Historical Science’ by Piotr Bitsilli.” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 332–344. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-332-344>

«Очерки теории исторической науки» (1925) [8; 9] — в одно и то же время и главная работа П.М. Бицилли, и тот из его трудов, который остается не только малоизученным, но, по существу, и мало кем прочитанным, по крайней мере в оптике, соответствующей изначальным задачам автора¹. Увы, для данного положения вещей есть целый ряд совершенно объективных причин — и маловероятно, чтобы ситуация существенно изменилась. Работа эта писалась в рамках дискуссий о природе, целях и путях развития исторического знания, развернувшихся с начала XX в. и приобретших новую остроту в первые послевоенные годы. Подчеркнем, что речь идет именно о широкой, практически общеевропейской — и в первую очередь германской — дискуссии, описание которой, даваемое Бицилли, восходит к разграничению наук «номотетических» и «идеографических» Генри Риккертом (вслед за Вильгельмом Виндельбандом), но, по существу, сосредоточено вокруг полемики последних лет 1910-х и первых лет начинающихся 20-х — когда Бицилли выстраивает в ряды работы Макса Вебера и Освальда Шпенглера, Эрнста Трельча и Бенедетто Кроче. Ощущение кризиса исторического знания — при всех достигнутых им во второй половине XIX — начале XX в. совершенно очевидных успехах — широко распространено в эти годы.

Работа, обращенная к самому средоточию актуальных споров, оказывается достаточно герметична для последующего читателя — в этом плане даже само название «Очерки...» скорее, вводит в заблуждение. Три очерка и серия сопровождающих их специальных экскурсов — отнюдь не серия зарисовок, лишь достаточно условно связанных общей темой. Напротив, Бицилли выстраивает очень сжатый текст, целиком посвященный одной проблеме — и при этом ограничивается подробным рассмотрением трех ее аспектов, трех ее ракурсов, прочие обозначая мимоходом, отсылками и краткими замечаниями, предполагая, что читатель восполнит целое — и, не имея ни, возможно, желания, ни (что, видимо, намного важнее, по обстоятельствам места и времени) ресурсов² для того, чтобы с равной полнотой рассмотреть все стороны.

¹ См. краткий, но весьма насыщенный как фактическими сведениями, так и концептуальными соображениями очерк Б.С. Кагановича [9, с. 409–411]. Общий обзор представлений Бицилли о теории истории и историческом процессе в эмигрантский период дан в работе В.И. Повилайтиса [4, с. 121–127].

² Напомним, что к работе над «Очерками...» Бицилли приступает в бытность в Сербии (Скопье), стремясь подготовить текст, который рассчитывает защитить в качестве докторской. Смена исследовательской проблематики от медиевистики к теории истории связана со скудностью книжных собраний, доступных ему в Сербии, но она во многом сохраняется и после переезда в Болгарию, на профессорскую позицию в Софийском университете (см.: [2; 3, с. 161–230]).

Книга, написанная Бицилли, обращена к напряженным теоретическим спорам — в первую очередь к академическому пространству — и достаточно «закрыта» от посторонних, которым сложно реконструировать нерв и направление осуществляемой автором теоретической работы, те позиции, на обоснование или критику которых направлены его рассуждения. Однако того академического пространства, к которому обращался Бицилли, в русской эмигрантской среде фактически не существовало — если подразумевать под этим академические институты, карьеры, выстраиваемые в их рамках, конкуренцию школ и направлений. Работа, вышедшая по-русски, оказалась невостребованной — не в смысле «непрочитанной»³, но не включенной в профессиональную дискуссию (по причине отсутствия таковой) в русском эмигрантском историческом сообществе — и, в силу тех же причин, оказавшейся неспособной инициировать подобную дискуссию, а языковой барьер, помимо прочих обстоятельств, сделал голос Бицилли почти неразличимым в дебатах европейских историков.

Понятно, что уже во второй половине 1920 х гг. контекст существенно меняется — а последующие десятилетия настолько изменяют картину исторического знания и переопределяют актуальные линии противостояния, что работа отойдет в область историографии, так и не став по большому счету событием в области актуального исторического знания.

Вопрос, который здесь стоит и который сам Бицилли обозначает как «проблему исторического синтеза» [9, с. 17], по существу, — вопрос о смысле истории, причем в двояком значении — о смысле исторического процесса и о смысле деятельности историка, об объективной значимости последней. Фактически он упирается в ключевую проблему — вопрос о возможности говорить о некой единой «истории». Либо перед нами разрозненные «истории», повествующие о чем-то и описывающие реальность прошлого какими-то корректными способами, отвечающими на частные вопросы — и тогда у всей этой деятельности нет никакого общего смысла, последний — конкретен, ситуативен. Либо — некая «история» вообще, по отношению к которой определяется смысл любых конкретных сюжетов и частных повествований, от понимания которой зависит суждение о верности или ошибочности суждения о конкретном событии, персонаже и т. д.

³ Хорошо известно, что книга Бицилли вызвала целый ряд рецензий (см.: [1, с. 104–105; 9, с. 410–411]), в том числе обстоятельный и вдумчивый отклик, принадлежащий Д.И. Чижевскому, опубликованный в 1929 г. в «Современных записках» [12].

И опыт ответа Бицилли на поставленный вопрос — одновременно и рефлексия над своими прежними историческими трудами (см.: [5]) и конкретными работами современников (что обогащает текст массой конкретных замечаний и примеров по проблематике средневековой истории), и выработка, систематизация тех идей и представлений, которые лягут в основание последующих работ, непроизвольно обосновывая в том числе и вынужденную широту занятий — поскольку всякая история осмысливается им, по существу, как «история культуры» [9, с. 9–42], а граница между историком и художественным критиком окажется, как станет видно из последующего изложения, более чем условной, в связи с чем активность Бицилли как критика во второй половине 1920 х — 1930 е гг. (см.: [10]) перестает казаться лишь случайностью.

«Очерки...» дают нам возможность реконструировать самые основания мировоззрения Бицилли, которое оказывается последовательно и рефлексивно романтическим⁴. Прежде всего это постулат личности, «реального индивидуума», принципом которого выступает «абсолютная непрерывность сознания» [9, с. 220].

В акте воспоминания субъект, воскрешая любой момент своего прошлого, относит его к себе как к единой и нераздельной психической величине <...>, он всегда переживает свою историю *всю целиком* <...> единичная личность в единичном акте сознания переживает в своей памяти *все те* в каждый момент прошлого сосуществовавшие возможности проявления своей психической энергии, из которых *одна* приобрела оформление; все мотивы своих поступков, из которых *один* возобладали; все эмоции, из которых *одна* доминировала: его *эволюция* и его *творческое развитие*, ретроспективно воссоздаваемые памятью, *совпадают* [9, с. 220–221].

⁴ Характерно, например, следующее суждение: «Романтизм в узком смысле, стремясь к освобождению искусства, не достиг своей цели. Освободив его от его собственных законов, он подчинил его чужим. Романтизм в широком смысле есть подлинное освобождение искусства» [9, с. 285]. Здесь, с одной стороны, исторический романтизм понимается как путь, ведущий в конце концов к подчинению искусства принципам «натурализма», в то время как «подлинное освобождение искусства» понимается как подчинение собственной «идее» [9, с. 287], отображения действительности в соответствии с ней — в связи с чем «современное движение в области искусства, как бы мы ни оценивали его достижения, во всех своих с точки зрения этих достижений столь расходящихся течениях имеет общий характер возврата к классицизму» [9, с. 285].

Личность проявляет себя в творчестве — и высшим таким проявлением является искусство. Все прочее — неизбежно оказывается неполным, расколотым. Здесь выстраивается удивительная характеристика истории — вслед за Кроче и Джентиле Бицилли соглашается, что с формально-логической стороны нельзя провести границу между историей и искусством, чтобы следом обнаружить уже содержательную специфику исторического знания. Историк для Бицилли — не «художник», художниками (творцами) являются сами люди в своей истории — они создают себя, свою реальность. Историк же

выполняет по отношению к реальной действительности ту же задачу, которую художественный критик выполняет по отношению к продуктам художественной деятельности. Он подходит к жизни как к художественному произведению. В известном смысле эта критическая работа является *обратной* той, которую выполняет художник [9, с. 290].

Используя в качестве предмета полемики утверждение Лампрехта об индивидуализирующей истории как «деле художника», Бицилли утверждает: здесь смешаны

два различных рода деятельности: деятельность художника — творца символов и деятельность критика, смысл этих символов раскрывающего [9, с. 290].

Тем самым — труд историка есть труд герменевтический: историк осознает, истолковывает прошлое, раскрывает его смысл. Но прошлое является по определению чем-то внешним, другим по отношению к нему. В отличие от собственной индивидуальности, не только и не столько доступной непосредственно, сколько данной как «единая и нераздельная» (*individuum*), прошлое не дано целиком:

Передать жизнь как абсолютное единство оказывается возможным, только отождествив ее в акте художественного творчества с творцом индивидуумом. Историк, поскольку он обращается к тому в других людях, что у него общего со всеми ними, к их интеллекту, совершает в процессе своей работы род самоубийства, а в силу этого умерщвляет и свой объект. Таково существо всякой науки: разум «осиливает», «убивая» [9, с. 350].

История в понимании Бицилли сущностно «романтична», романтизм и открывает «историю», делает ее возможной, так что «...с моей точки зрения прогресс современной исторической мысли — то же самое, что прогресс романтического мирозерцания» [9, с. 146], а «современный кризис исторической науки не является отказом от “историзма”, resp. романтизма» [9, с. 175]. Но, выявляя природу «современного кризиса», Бицилли фиксирует трагедию романтизма — вернее, отмечает, что романтическое стремление не может быть удовлетворено вполне, целиком где-либо за пределами художественного творчества. Историческим идеалом оказывается автобиография — там и открывается, и реализуется тот принцип, которым руководствуется история:

Мы видели, что в высших образцах автобиографии задача единого синтеза, совмещающего в себе и генетическую, и эстетико-индивидуализирующую точки зрения, была разрешена. Мы старались далее показать, что новая концепция истории была порождением того переворота в личном сознании, который был ознаменован появлением автобиографии и что автобиография предшествовала новой историографии» (курсив мой. — А.Т.) [9, с. 220].

Отсюда — не только особая роль, которую Бицилли отводит рассмотрению истории автобиографического повествования, но и специфика его понимания «высших образцов» — «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо и «Поэзии правды» И.-В. Гете (к этому ряду можно причислить и упоминаемые Бицилли в том же контексте «Былое и думы» А.И. Герцена [9, с. 127]). Она заключается в том, что перед нами — «несравненные изобразители» «опоэтизированного прошлого» [9, с. 129]:

...Они нашли секрет дать ему [прошлому] прелесть очарования, с каким действует все воспринимаемое единственным и неповторяемым. Нельзя сказать, чтобы Руссо не был откровенен, повествуя о своих отношениях к госпоже де Варан; и никто не назовет этих отношений ни красивыми, ни чистыми. И, однако, в его передаче они приобретают какую-то особую привлекательность; они не представлены в лучшем, чем были на деле, свете; они *опоэтизированы*. В этом смысле автобиография Гёте и называется «Dichtung und Wahrheit» <«Поэзия и правда» (нем.)> — не потому, чтобы Dichtung, в смысле поэтического вымысла, примешивалась к Wahrheit в смысле протокольной точности передачи, а потому, что «правда» силою художественного воссоздания ее возведена на степень «поэзии» [9, с. 130].

Свои истории рассказывают люди прошлого — произвольно или непроизвольно, в рассказах о себе и в том, что они делают — создают или уничтожают. Историк рассказывает чужую историю. В этом плане он имеет много общего с художественным критиком: последний (в той мере, в которой он отвечает своему назначению) не пересказывает, а анализирует художественное произведение — точно так же и задачей историка оказывается, например, при изучении биографии Гёте отнюдь не мелочная проверка соответствия действительности рассказа Гёте о себе, а истолкование этого рассказа (для чего нужна и фактическая проверка). Рассказ Гёте о себе остается опытом самопонимания, который не может быть ни отменен, ни превзойден историком — уже по одному тому, что они занимаются различным: один — распознает себя, второй — распознает другого:

В «Поэзии и правде» нет никакой «фикции» <...> «фиктивные» или реальные, лица и события как-то «нужны» для самого художника, он с ними сливается, воплощает в них себя, тогда как историк их от себя отделяет и отдаляет [9, с. 350].

Отсюда вытекает специфичность позиции Бицилли в отношении путей исторической науки: обрисовав свою версию генезиса современной исторической науки, он демонстрирует, что ей изначально присуща антиномичность — «эволюционизма» и «генетизма», «эволюции» и «творчества» [9, с. 177]. Но при этом он отказывается считать эту антиномию структурной, неразрешимой — она обусловлена изначальной романтической оптикой, стремлением истолковать историю (именно «историю в целом») как единство, причем уподобляемое вплоть до отождествления с единством, присущим человеческой личности. Собственно, цель истории — в том числе и прямо проговариваемая в целом ряде работ, выносящих данную формулировку в заглавие или фиксирующие ее в тексте — создать биографию человечества⁵. Но для Бицилли такая цель — принципиально недостижима. Прежде всего — следует возражение, относящееся к наличному положению вещей, а именно к тому обстоятельству, что

⁵ «Историзм есть перенос на мир представления субъекта о себе как развивающейся, т. е. творчески самораскрывающейся индивидуальности. <...> Переживание “собственно исторического” как духовного равносильно переживанию его как живого, движущегося и как единого среди своих изменений — из себя, изнутри развивающегося» [9, с. 196].

человечество — понятие, которому никакая реальность не соответствует. «Человечество» <в смысле исторического субъекта. — А.Т.> есть собирательное имя; на самом деле оно еще не имело собственной истории [9, с. 332].

Для того, чтобы иметь возможность написать подобную историю, необходима «идея прогресса»: она

«сама по себе не создает еще историзма, но она навязывается, как постулат, историческому сознанию, ибо без нее от идеи человечества как единого целого не останется ничего» [9, с. 332], —

идея прогресса может существовать вне исторического сознания, примером чего для Бицилли выступает мировоззрение XVIII в., но история, которая претендует быть историей человечества, нуждается в ней⁶. Видение будущего, становления «общей истории», в ретроспективе позволяет частные истории понять как части одного повествования.

Однако сам данный тезис появляется лишь в конце рассуждений Бицилли — и, следует заметить, отнюдь не носит принципиального характера. Как уже сказано выше, фундаментальное затруднение здесь другое — стремление к единой истории направлено, по существу, к тому, чтобы реализовать романтический идеал, — в действительности осуществить не «биографию», а именно «автобиографию» человечества. На этом уровне должны сняться антиномии исторического знания — и именно поэтому одной из вершин, если не высшим достижением исторического видения, оказываются гегелевские «Лекции по философии истории», снятие противоречия свободы и необходимости, объект, понятый как субъект, и т. д. Но историк остается именно собой — т. е. конкретным, индивидуальным субъектом, для которого предмет его изучения и описания, в любом случае, есть нечто внешнее по отношению к нему, отсюда постоянное колебание в действительности между тремя (а даже не двумя, прямо называемыми Бицилли) планами: а) логикой, вскрытой Трельчем, восходящей к монадологии Лейбница [9, с. 303] и лежащей в основе всего нового исторического знания — способности

⁶ В данном случае, полагаем, Бицилли «идею прогресса» как необходимую для понимания единства человеческой истории толкует весьма широко, включая в нее и христианское понимание истории как единой исторической драмы — от Творения до Страшного Суда.

понимать «другое», поскольку оно сокрыто в нас, поскольку в нас — собственно, все — и, следовательно, нет ничего принципиально «иного»⁷; б) пониманием истории как «единого» в «органическом» смысле процесса — естественной целостности, где все индивидуальное — лишь часть целого и получает свой смысл от последнего, где инстанция понимания находится вовне, историк понимает процесс *sub specie aeternitatis* <с точки зрения вечности (лат.)>, которое тяготеет к совпадению либо к наличному положению сужающего (где вся история представляет путь к наличному положению вещей), либо к той перспективе, которая выступает с его точки зрения истинной целью исторического развития; тем самым история оказывается необходимостью для понимания современности и понимания смысла и целей собственной деятельности, для самопонимания — поскольку понимание логики истории открывает направление движения, своего собственного места в современности — и, напротив, только из перспективы современности прошлое обретает единство (см. выше об «идее прогресса»); с) и эстетическое отношение к истории — как раскрытие, созерцание объектов, обладающих собственной формой. Здесь романтизм вновь оказывается двойственным — в рамках связи со вторым планом истории как проявлением смысла уже наличного, конкретное оказывается «проявлением» чего-то иного, некой сущ-

⁷ Именно проблематичность этой позиции с точки зрения исторического сознания станет центральным пунктом критики Бицилли «Философии истории» Карсавина [11], где теоретическая рамка, обозначаемая Бицилли как гносеологическая, обосновывающая возможность познания прошлого человечества, в конечном счете «всепроницаемость» через восхождение к Абсолюту, где каждая историческая индивидуальность предстает «стяженным всеединством», в итоге приводит, по мысли Бицилли, к бессмысленности собственно истории — конкретного, отличного одного от другого, значения следования одного за другим. Здесь на основе конкретного материала возникает та самая противоположность, к которой апеллирует Бицилли в основном тексте «Очерков...», противопоставляя историческому, «романтическому», «эстетическому» — «интеллектуализму», где Спиноза и Маркс оказываются равно «по ту сторону» исторического в авторском понимании. Правда, если вспомнить не только особенности исторического понимания самого Карсавина, но и характеристику антиномий романтизма, то «Философия истории» Карсавина предстает именно как другой вариант развития романтического взгляда, в частности — в понимании эротической составляющей познания, подобному тому, как Бицилли отмечает, правда, в роли наблюдателя, а не действующего лица: «Быть может, всего показательнее с этой точки зрения оказалась бы романтическая любовь; особенности интимного, чисто личного переживания всего лучше вскрывают психологическую подпочву того или иного мирозерцания. «Слияние душ», полная самоотдача себя любимой — так у Новалиса, впервые после эпохи «мистики любви», определяется это чувство. <...> С другой стороны, это саморастворение своего Я в высшей духовной сфере является и его самоутверждением; духовное взаимооплотворение *создает личность*» [11, с. 151].

ности, — но своеобразное, собственно романтическое, связанное с творчеством, дает радикально иное понимание, как создания — «общее», «дух эпохи» возникает через конкретное.

Примером такой трактовки, фактически опытом частного приложения, реализации общих положений «Очерков», станет вышедшая в 1933 г. небольшая работа «Место Ренессанса в истории культуры», в которой Бицилли будет пытаться не показать «дух» Ренессанса на конкретных примерах, а через ключевых деятелей Ренессанса обрисовывать формирование, расцвет и исход этого «духа» — или, как он обрисует в напечатанной в том же году небольшой статье «Трагедия русской культуры»:

Исключительная, беспримерная свобода развития русской культуры, ее кажущаяся, внешняя неустроенность, неупорядоченность, наряду с ее предельным совершенством, — все это отнюдь не показатель каких-то неизменных свойств «русской души» (или «*âme slave*»): культура и есть творимая, становящаяся национальная душа; особенности же ее определяются социологическим строением нации [6, с. 157].

Антиномия в логике Бицилли возникает постольку, поскольку два последних плана пытаются совместить в одной плоскости — наложение возможно, но противоречие не только не устраняется, но и в той мере, в какой историк стремится к этому, оно лишь усиливается. Отсюда — из попытки преодолеть им самим обозначенную антиномию — парадоксальное на первый взгляд утверждение, помещенное в самом начале «Очерков...», что философия культуры не нуждается в истории и «рассматривает ценности вне всякой зависимости от их происхождения» [9, с. 29]:

Философия истории была способом постижения Абсолюта *sub specie* <здесь: с точки зрения (лат.)> истории. В наши дни Клио стала строга и не разрешает этого. Но за нами осталось право исповедовать веру в абсолютный идеал, не заботясь об «уроках истории» и даже вопреки им. У истории свои пути, у жизни свои. Пытаться же свести их посредством «философии истории» — задача невыполнимая и ненужная [9, с. 31–32].

«Философия истории» понимается Бицилли как попытка открыть вечное в самом ходе времени — и осмысляется им как невозможное для сегодняшнего понимания, вместо нее утверждается «философия культуры», занимающая, как он пишет, «метаисторическую точку зрения» [9, с. 29], однако конкретный приводимый им пример вы-

нуждает охарактеризовать ее не как мета-, а как историческую, ведь «для философа культуры совершенно безразлично, где и когда родился Данте: во Флоренции или в Париже, в 1265 или 1865 году» [9, с. 29].

В «философии культуры» Бицилли утверждает полную свободу от истории — она обращена к современности в странном ее понимании как отсутствия исторической перспективы, но тем самым решается антиномия — исторический взгляд оказывается эстетическим, стремящимся уловить своеобразие прошлого как такового — в перспективе, которая задается современностью, позицией историка как современника своего мгновения, рефлекслируемой философией культуры. Отсюда — предельная важность периодизации, которую Бицилли мыслит, на первый взгляд, странно, как другую сторону проблемы исторического синтеза [7, с. 3; 9, с. 204–219]. Периодизация в этом понимании — это вопрос выделения «исторических индивидуальностей», различения объектов, ведь это

признание того, что в определенный отрезок времени за непрерывными изменениями лежит нечто, что «пребывает» — хотя не как мертвая вещь, а как «гений», «характер», «душа» этого времени, нечто, обнаруживающее себя в бесконечно разнообразных проявлениях [7, с. 3],

что позволяет историку написать «историю», т. е. повествование о чем-то, обладающим внутренней целостностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
2. Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независимым обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.
3. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 240 с.
4. Повилайтис В.И. Что есть история? Версии русского зарубежья. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. 184 с.

Источники

5. Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия

- и Запад / сост. Ф.Б. Успенский, отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянских культур, 2006. 808 с.
6. Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / сост., подгот. текстов и коммент. В.П. Вомперского, И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. 709 с.
 7. Бицилли П.М. Место Ренессанса в истории культуры / сост., предисл. и коммент. Б.С. Кагановича. СПб.: Мифрил, 1996. XIV, 256 с.
 8. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Пламя, 1925. 340 с.
 9. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки / послесл. и примеч. Б.С. Кагановича. СПб.: Аxioma, 2012. 427 с.
 10. Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / сост., вступ. ст. и коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. 608 с.
 11. Карсавин Л.П. Философия истории / подгот. текста, коммент. С.С. Хоружего. СПб.: Алетейя, 1993. 351 с.
 12. Чижевский Д.И. [Рец. на кн.:] П.М. Бицилли. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. 338 с. // Современные записки. Париж, 1929. Кн. 39. С. 542–547.

REFERENCES

1. Birman, M.A. P.M. Bitsilli (1879–1953). *Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). *Life and Work*]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
2. Galcheva, Tania N., and I.V. Golubovich. “*Ponemnogu prisposobliaiushchiesia k ‘nezavisishchim obstoiatel'stvam’*.” P.M. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervye gody emigratsii [“Little by Little I Am Adapting Myself to the ‘Circumstances beyond Control’.” P.M. Bitsilli and the Florovskii Family in the Early Years of Emigration]. Sofia: Solntse Publ., 2015. 320 p. (In Russian)
3. Kaganovich, B.S. *Russkie medievisty pervoi poloviny XX veka* [Russian Medievalists of the First Half of the 20th Century]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2007. 240 p. (In Russian)
4. Povilaitis, V.I. *Chto est' istoriia? Versii russkogo zarubezh'ia* [What is History? Versions of the Russia Abroad]. Kaliningrad, Immanuel Kant Russian State University Publ., 2009. 184 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 7 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 11 июля 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 7 August 2021

Approved after reviewing: July 11, 2022

Date of publication: December 26, 2024